

Известия. - 1998. - 28 февр. - с. 2.

Субботний гость

Григорий Бакланов:

Не все заспешили дорого продаться

Ему повезло. Он выжил на фронте и опубликовал все, что вышло из-под пера. О своем поколении, прошедшем вторую мировую войну и после нее жившем в условиях двойной морали, известный писатель, автор множества повестей, Григорий Бакланов высказался осторожно. С правдой натмашь не торопились, но и в «лакировке действительности» не замечен. Дружил с Трифоновым и с Кондратьевым. Дружит с Быковым и с Граниным. На заре перестройки возглавлял журнал «Знамя», благодаря чему увидели свет романы А.Бека, М.Булгакова, Б.Пильняка, А.Приставкина. Литературу, из-за цензуры писавшуюся «в стол», журналы опубликовали в эпоху гласности. Теперь на слуху другие имена, но авторам, как успешно печатавшимся при большевиках, так и запрещенным при них же, достается от критики на равных. «К литературе советского периода люди еще вернуться», — убежден Григорий Яковлевич Бакланов.

— Однажды Иван Шмелев заметил: «Каж-дое общество заслуживает своих писате-лей. Гения надо заслужить. Прежде чем го-ворить о нем, надо спросить себя, досто-йны ли мы иметь гения». Вы разделяете его мнение?

— На самом деле никто никому ничего не должен. Хотя у нас на протяжении десятилетий без устали повторяли: искусство — в долгу перед народом, писатели — в долгу перед наро-дом. Неужели мы всецело в конце XX века бу-дем утверждать, что народ, породивший Гого-ля, Толстого, Достоевского, был лучше? А ны-нешний, следуя такой логике, никому не годит-ся. Хотя, разумеется, исчезновение в России ста миллионов человек, что предсказывал До-стоевский, не прошло бесследно. И на фронте погибли лучшие, и сталинский террор выры-вал самые заметных...

Скорее, нужно говорить не о вырождении нации и искусства (на войне и потом я встречал одухотворенных, порядочных и талантливых лю-дей), а о моральных ценностях, которые первы-ми принимали на себя удар как в советскую эпоху с ее ложью и кровью, так и сегодня: тор-жество бандитской этики некоторыми нашими соотечественниками прямо или косвенно оправ-дывается. К счастью, не все заспешили заго-литься, не все бесстыже заявляют: мол, да, я продался, но задорого продался. Среди разру-шенных святых, пусть даже во многом лице-мерных, продолжают жить люди, для которых собственное видение жизни куда важнее шелухи, при каждом удобном случае подсчитываю-щей свои дивиденды.

Вся эта неприличная погоня за мнимым ус-пехом, за саморекламой, в том числе и в ны-нешней литературе, — явление временное. У отечественной словесности высокое предна-значение. В советские годы, да и теперь, рабо-тали и работают писатели, для которых идея че-ловеколюбия, поиск первопричины, чувство от-ветственности — не пустые слова.

— В своих воспоминаниях, недавно опу-б-

ликованных в «Знамени», вы пишете: я ждал, когда откроется дверь и войдет Лев Толстой. Почему вы заявляли такую высо-кую планку? Вы ждете от современников этических произведений?

— Необязательно. Первая книга Толстого, которую я прочел, был подаренный когда-то «Хаджи-Мурат». И, кстати, по надписи я, рано потерявший родителей, установил дату своего рождения — 11 сентября. Эта вещь осталась со мной на всю жизнь. Не знаю, согласился бы ав-тор быть моим учителем, но на меня повлиял именно он. Я называю Толстого вершиной ми-ровой литературы потому что он однажды ви-дел момент возможной гармонии людей и на-писал «Войну и мир». Божеского, целостного взгляда на мир не хватает большинству рукопи-сей, которые я читал, будучи главным редакто-ром.

Вспоминаю, как однажды в кабинет вошел автор, мнящий себя Толстым. Это не графоман, а довольно известный в литературных кругах человек. Он неплохо пишет, но повышенная са-мооценка у прозаиков — поразительная и рас-пространенная черта. Конечно, без «энергии за-блуждения» нельзя работать. В эти часы выше тебя, лучше тебя нет никого. Но, когда рукопись окончена, нужно подумать, что и до тебя созда-валась проза. Судить себя следует по гамбург-скому счету.

— Вы оцениваете коллег, а сами готовы оценивать себя так же строго?

— Стараясь. Понимаете, когда пишешь, есть какое-то ощущение, образ книги, который ви-дится автору, но которого достичь, думаю, ни-когда не удастся. Удача или неудача измеряет-ся этим оставшимся промежутком.

— Получается, вы записываете уже обу-данное?

— Некрасов сказал: «Мне жаль мою мысль, как бедно я ее поймал словом». Так вот не од-ним словом угадывается повествование, но и настроение диктует мелодику речи. И если не найдешь первую фразу — она может быть дове-

рительной или очень серьезной, твердой, — ни-чего не получится вообще. Именно со слов: «Жизнь на плацдарме начинается ночью» — и пошла работа над повестью «Пядь земли». Ге-рои и события возникли потом.

— Юрий Левитанский написал много сти-хов о войне. Но в конце 70-х оборвал себя: «Ну что с того, что я там был, я был давно, я все забыл...» Когда-то он мне объяснял, что люди, посвятившие творчество военной те-ме, более сильных впечатлений в мирное время не пережили. У вас, видимо, так же?

— Я пишу не столько о войне, сколько о лю-дях своего поколения. Я был молод, и мои ге-рои были молодцы в «Пяди земли». Потом в по-вести «Навеки — девятнадцатилетние» они го-дились мне в сыновья. А в романе «И тогда при-ходят мародеры» это почти мои ровесники. Вся-кий раз, вспоминая войну, я думал о потерях, случившихся на моих глазах. Поверьте, тяжелые переживания. Будучи командиром взвода, я по-слал телефониста восстановить связь, бой про-должался, а его все нет. Когда полез сам, то увидел этого человека уже окровавленного. Вскоре ранило меня. Но я все-таки выжил, а он нет.

На фронте были и трусость, и готовность к самопожертвованию. Но то же самое увидел после войны. Где-то я прочел: «Мы — камни. В стену ляжем мы — дворца, сарая, храма или тюрмы». Мы жили в такое время, когда пре-рессии следовали за рассказанным анекдотом, пьяными откровениями, спланированными про-вокациями, открытой оппозицией режиму в ли-тературе или в жизни. И время требовало доно-сительства, помните, у Твардовского: «Предай отца, родного брата и друга верного предай»? Мое поколение выиграло тяжелейшую войну, однако смелость в бою и смелость в обычной жизни — разные вещи. Как это ни печально, но предательство — один из главных пороков мо-его поколения.

— Порой раздаются голоса, что пожилые люди сегодня стали реакционной частью об-щества. Чем вы это объясняете?

— Я никогда не осуждаю ветеранов войны, потому что они прожили жизнь совсем не ту, ка-кая полагается победителям, спасшим Родину и мир от фашизма. Но старость вообще не очень хорошее время. Не ко всем с годами при-ходит великодушие, зачастую люди, утратив красоту, силу, возможность зарабатывать, оз-лобляются.

— Чуть выше вы коснулись двойной мо-рали советского общества, за которую за-плачивали, каждый по-своему, писатели Си-нявский и Даниэль, правозащитники Саха-ров и Марченко. А также те, кто поддержал

их. Но если говорить не о героях, а об анти-героях, то представьте, что теперь я пони-маю сталинизм. Я понимаю, что стукачами двигали цели на все времена — жажда карьеры, близость к «кормушке», жизненный комфорт. Разве не ради этих же ценностей сегодня забывают дружбу, обязательства, также предают и также молчат из опаски по-терять место? Может быть, двойная шкала — не избобретение большевиков, а суть рус-ской жизни?

— Во-первых, вы явно спешите, записывая двойную шкалу в качества исключительно рус-ские. Вокруг Туркменбаши возятся сегодня так же, как когда-то с генсеком Брежневым. Во-вто-рых, вы не можете понимать сталинизм, вы его не пережили. К тому же в результате доносов одни оказывались на Колыме, другим давали «десять лет без права переписки», третьи жили в вечном ожидании ареста. Проводить параллели между натуральным террором и нынешней жизнью никак нельзя.

А между нашей жизнью и капитализмом про-шлого века можно. По Глебу Успенскому, крес-тыяне продавали сено, подкладывая для веса кирпичи. Надувательство? Конечно. И в то же время в России дорожили купеческим словом. По сути, я пошел на эксперимент, когда в «Зна-мени» печатали библиотечку в основном из во-енных вещей. Я не заключал с авторами ника-ких договоров, то есть не платил, как в совет-ские времена, сначала аванс, а после выхода книги — оставляя часть гонорара. Я хотел проверить авторов, верят ли они мне на слово. И вы знаете, верили. Потом мы с ними, разуме-ется, расплачивались.

Мы уже дожили до того, что можно ругать президента. Но градоначальника, если вы ум-ный человек, уже ругать не следует. А непо-средственного начальника — тем более, он вас без хлеба оставит.

Губернатор может так газету прижать, взяв перед этим на свое содержание, что главному редактору в провинциальном городе будет трудно проводить самостоятельную политику. Эти жалобы на несоответствие нашей убогой демократии той, которая на Западе, понятны, но преждевременны. Нужно, чтобы сменилось несколько поколений, живущих «не по лжи», нужно, чтобы развились демократические ин-ституты, тогда и будем требовать от власти и от людей последовательности и честности.

— Вернемся к литературе. Чем, на ваш взгляд, обусловлены горячие споры вокруг Виктора Пелевина? Официальная критика его не принимает, а молодежь зачитывает-ся...

— При мне была напечатана его первая по-

весть «Омон Ра». Это игровая литература, в ко-торой не много ума, но я считал нужным ее опу-бликовать. Мне ближе проза Олега Ермакова, Олега Павлова, «Здравствуй, князь» Варламова.

— А Дмитрий Бакин, Андрей Волос?

— Бакин — не мой автор, у Волоса есть хо-рошие рассказы.

— Когда-то вы похвалили Ивана Алексе-ева...

— Откуда вы знаете? Действительно, мне очень нравится нежная, изящная интонация его прозы.

— Весь мир увлекается Интернетом и ви-деотехнологиями. При такой конкуренции писателю, по-видимому, должен заслужить право читателя уединиться с его книгой?

— Безусловно. И, замечу, та книга состоя-лась, которую хочется перечитывать. Перечиты-вать. А не сидя в машине или катаясь на роли-ках, слушать кассету про первый бал Наташи Ростовой. Такие новшества — полный маразм.

— Какую литературу вы отвергали, сидя в кресле главного редактора?

— Порнографию. В искусстве проблемы ни-за не могут не присутствовать, потому что чело-век един. Но есть то, что пишут на заборах, а есть то, что пишут в книгах. Сейчас в «эротиче-ских» романах встретились подзаборные выраже-ния чаще, чем в жизни. И ладно, когда упраж-няются молодые, но ведь писатели известные норовят вставить крепкое слово. Если карти-ны плотской любви выражены ненормативной лексикой, это не искусство.

— Может, вы считаете, что мат — язык плесба?

— Почему? На фронте мы иначе не разгова-ривали. В богеме советской поры тоже было принято у красивых дам материться. Мат — это великолепная краска при стрессе или в анекдо-те. Но, заметьте, в военной прозе нет мата — ни у Толстого, ни у Хемингуэя, ни у Виктора Некра-сова, с которым в жизни мало кто мог сравнить-ся по части ядреных выражений. В деревне, что ли, обходятся без мата? Но вся деревенская ли-тература лишена сквернословия. А когда в лю-бовных сценах начинаются гинекологические подробности, вообще неясно, читаешь ты руко-пись или находишься в кабинете врача.

— Но, согласитесь, что русского языка не хватает на «эту» тему? Даже на вербальном уровне зона табуирована, шаг в сторону — и автор впадает в пошлость.

— Я, к сожалению, другого языка не знаю.

— Многие сорокалетние писатели счита-ют, что культура в отличие от политики бе-зопасное пространство, открытое для лю-бых экспериментов. Для них литературная эстетика важнее человеческой этики. Вы

вряд ли согласи-тесь, что искусство может быть вне морали?

— Конечно, не соглашусь. Достоев-ский показал в «Бе-сах», как зыбко добро, если не задумываться о нем и не оберегать нормальные человеческие ценности. Гению открылись глубины людского зла, и он описал страшную бездну вовсе не в педагогических целях. Но получился роман-предсказание, который можно не любить, но перечитывать нужно.

— Вам не обидно, что о хороших писате-лях вашего поколения — о Викторе Некрасо-ве, Федоре Абрамове, Юрии Трифонове по-тихоньку забывают?

— Забывают, потому что их книги не выхо-дят. А ведь именно Виктор Некрасов повлиял на всю литературу о войне. Почему понравилась вождю всех народов его повесть «В окопах Ста-линграда», понять невозможно. Я тогда радо-вался хорошему языку, но больше — рассказу свободного человека.

Всерьез говорил и писал о совести худож-ника мой друг Юрий Трифонов. Никакие рамки официоза не сдерживали Шукшина в желании докопаться до истины. Это сильные писатели, сумевшие сказать свое слово именно в совет-ское время. Они никому не угождали и никого не обслуживали. Порой мне кажется, что толь-ко при тоталитарном строе могли быть написа-ны «Собачье сердце» Булгакова и «Котлован» Платонова. Трагизм, ложь и энтузиазм совет-ской эпохи породили колоссальную литературу. Она останется в нашей истории, и люди к ней еще вернуться.

— Вы себя ощущаете человеком, кото-рым может уже со стороны поглядывать на жизнь и на литературу? Или в творчестве у вас есть амбиции?

— Амбиций у меня нет. Наше поколение в литературе состоялось. Однако сегодня меня интересует женский характер. На протяжении последних лет десяти мы видели немало муж-чин, которые и речи умные вели, и хвосты рас-пускали. Но теперь они как-то потускнели. Жен-щины в это время мало что говорили, но вдруг сегодня стали заметны. Скажем, Комитет сол-датских матерей в обществе нашем авторитет-нее, нежели Министерство обороны. Слава Бо-гу, что вслед за советским мужчиной женщина не вела себя так жестоко. Она сохранила чело-веческие качества. Именно они нужны в новой жизни. Об этом я думаю написать.

Наталья СЕЛИВАНОВА.